Автор представлен членом Художественного совета **Михаилом Шербом**

Рождение (триптих)

1

Капли из кружки винной
стали «небесной манной».
Вышел мужик из ванной,
шею из петли вынул.
Сел на крыльце, нахмурен,
вытянул в вечность ногу,
бросил окурок Богу:
– Позже вернусь, покурим.
Вырвало совесть слогом,
вырос цветок в тетради.
Солнце в губной помаде
жалось к печальным строкам.
Пчёлы в саду проснулись,
взвились, усов касаясь.
Лесом гора косая
шла к мужику, сутулясь.
Сердце кричало: «Счас я!
Счас заведусь, ребятки!»
Дождь на несчастье падкий
рядом с душою шлялся.
Пенилось утро пивом,
в птичьем теряясь хоре...
Вышел мужик из горя,
умер мужик счастливым.

2

Если нужно уйти, погасите свет.
Я сотру ваши лица с цветных витрин,
и поставлю табличку: «Отец един!» –
оснований менять на другого нет.
На волшебной горе медоносных пчёл,
где из месяца в месяц метёт пурга,
он из белого ветра стихи слагал,
чтобы я их для мамы потом прочёл.
Собирал в тубетейку лечебный мёд,
раздавал аскорбинки по всей земле,
первомайским флажком приходил ко мне,
к маме тоже, бывало, журналом мод.
А когда я из вечности ждал письма
и бесстыдно подслушивал мамин плач,
на балкон прилетал черноморский грач
с новым сборником песен «Багамама».
Иногда прибегали стада зверей,
тарабанили правду ямальских тундр.
Я тогда осознал, что отец мой мудр,
самого Яромудра в сто крат мудрей.
Повелитель животных, детей и пчёл,
придающий планете любой наклон.
Мне казалось, что папа большой дракон,
огнеликий дракон с языком – мечом.
Мне хотелось лететь над страной лесов,
нападать на красавиц, творить добро,
над Японией где-то крошить ядро,
но тревожила мама набором снов...
В девятнадцать пришёл молодой шаман,
передал нам стихи и одно «Прости».
Что-то хрустнуло вдруг в теменной кости...
«Наконец-то одна», – улыбнулась мам.
Прилегла в уголке, не сумела встать,
изошла паутиной морщин – седин...
Повторяя до смерти: «Отец един!»
Целовала ночами его тетрадь.

3

Страх семенил ногами, страх подвигался ближе.
Я убежал подъездом, падал в чужие лица.
Мне предлагала деньги девушка в синем ситце,
маленький добрый мальчик вслед закричал мне:
– Ты же...
Ты же всевышний, дядя! Мне о тебе вещали
туча на небе стылом, знатный великий дворник,
бабушка (помню песню), мой гороскоп, мой сонник
встречу мне рисовали – в самом ещё начале.
Холод мечтою пахнет, словно судьба дворами.
Терпишь, когда заплачет то, что смеялось нынче?
Ты же всевышний, дядя, только к семье привинчен
сердцем, в ночи щемящим, кровью, детьми, тенями.
– Ты же всевышний, сынка, – впилась в плечо старуха. –
Дай нам немного жизни, холода полглоточка...
Небо съедают дрязги, полночь кусает полночь,
верим в тебя, о боже, верим в земную помощь.
Если не ты – всё небо, завтра свернётся в точку.
– Всё, что захочешь, братец, звёзды ещё остались!
Хочешь звезду героя? Дважды и трижды можем.
Нужно помочь, солдатик, не убивай...
В прихожей
медленно таял маршал на обнажённой коже.
Странно, что вспомнил маму, глядя на китель талый.
Значит, осталась мама в шаткой моей основе.
С неба сходили снегом ангелы всех сословий.
– Что там случилось, мама?
– Веры в народе мало...

– Веры в народе мало? Где же достать лекарство?
– Вспомни отцово слово, слово разверзнет землю.
Выйди под снег, под стоны.
– Слова достанет всем ли?
Хватит души помочь им или уйти несчастным?
– Хватит, мой милый. Знала, что не остыну в сыне.
Встань за отца, всевышний, чти именины предков.

... Утро саднило в горле, билось в грудную клетку.
Мама и папа вместе были со мной отныне.